

Четырёхлетие Китайской Народной Республики клика Чан Кай-ши на острове Тайвань (Формоза) встретила очередными угрозами «освободить континент».

ВСЕ В ТОЙ ЖЕ ПОЗЕ НА ФОРМОЗЕ.

Рисунок КУРЬНИКСЫ.

К Р О К О Д И Л

Размышления у театрального подъезда

Б. А. ЛАВРЕНЕВ,
писатель, председатель
комиссии по драматургии
Союза советских писателей

История простая и грустная. Театральные организмы страдают от репертуарного авитаминоза. Приходит драматург с новой пьесой на самую острую тему. Допустим, главный герой пьесы — передовой производственник и пьеса называется его именем, скажем, «Пётр Силин». Театры хватаются за пьесу. Пять театров заключают с автором пять договоров. И, объятые энтузиазмом, они приступают к постановкам. Но вдруг обнаруживается, что «Пётр Силин» не пьеса, а сырой полуфабрикат, нечто вроде недожаренной котлеты, один вид которой может отбить аппетит.

Руководители пяти театров ведут пять разговоров с драматургом. Один говорит, что в пьесе нужно другое начало, второй утверждает, что необходимо изменить конец, третий, — что нужно перенести место действия в иную среду, вспомнив стих Некрасова: «...переносится действие в Пизу и спасен многотомный роман». Четвёртый руководитель настаивает, что начало должно быть сделано концом, а конец — началом, пятый же считает, что жизненное правдоподобие требует сделать героем мужчину, а не женщину.

По нормальной логике, драматург, если он сам понимает, что сделал театру полуфабрикат, должен сесть за письменный стол и встать из-за него только тогда, когда пьеса удовлетворит его самого, после чего отпадает необходимость пропускать пьесу через театральную мясорубку. Но, увы, драматурги не обладают нужной принципиальностью. И вот изумлённый зритель смотрит в пяти театрах пять разных пьес с пятью разными началами, серединами и финалами, причём Пётр превращается в Настю, и вообще «всё смешалось в доме Облонских» и в голове зрителя.

Вы говорите: анекдот. Нет-с, факт-с! В трёх разных театрах идут «Раки» Михалкова с тремя разными финалами, «Европейская хроника» Арбузова с тремя разными финалами и пьеса Симукова, которая в одном случае провозглашена на афише как «Девочки-красавицы», а в другом — как «Подруги».

Поведение драматургов в данной ситуации вполне определяется названием шекспировской комедии «Двенадцатая ночь, или что вам угодно».

Но вряд ли великий драматург согласился, чтобы его «Двенадцатая ночь» шла в разных театрах с разными концами. Так что сходство с Шекспиром здесь, к сожалению, только в названии...

Борис Лавренев

Н. П. ОХЛОПКОВ,
народный артист СССР,
главный режиссёр Театра драмы

Вместо упорной работы над углублённым психологическим портретом героя иной драматург просто щёлкает затвором фотоаппарата, не наводя даже на фокус. И вместо портрета получается мутная карточка для удостоверения: предъявитель сего, мол, действительно является героем нашего времени, что подписью автора удостоверяется. Хочешь — верь, хочешь — нет.

Впрочем, есть ещё и печатать. Печать спешки, а иногда и откровенной халтуры.

Однако на свете бывают и другие вещи. В фильме «Далеко от Москвы», например, режиссёру долго не удавалось заснять одну из самых душевных и тёплых сцен (усыновление мальчика Батмановым) только потому, что какие-то киночиновники испугались, как бы, став живым человеком, Батманов не перестал быть героем...

Здесь драматург уже совсем не при чём. О тех же случаях, когда триумфальному шествию драматургов мешают режиссёры, убедительнее могут рассказать сами драматурги...

И. В. Ильинский

И. В. ИЛЬИНСКИЙ,
народный артист СССР

Некоторые театральные критики напоминают моего знакомого парикмахера, который отличался необычайной вежливостью. Он не успевал ещё поднести бритву к лицу, как уже спрашивал:

— Простите, не беспокоит?

Несмотря на его отменную вежливость, я перестал у него бриться, потому что, боясь вас порезать, он предпочитал недобривать.

По этой же причине я перестал читать некоторые театральные рецензии, у авторов которых основная мысль — это боязнь. Они боятся обидеть драматурга, боятся задеть актёра, боятся сказать резкое слово по адресу режиссёра, боятся отойти от шаблона («Что станет говорить княгиня Марья Алексевна?..»). Так и чувствуешь, что после каждой фразы такой критик мысленно вас спрашивает:

— Не беспокоит?

— Беспокоит, товарищи критики, и очень беспокоит!

Нам больно, но не оттого, что нас порезали, а оттого, что у многих критиков затупилось их оружие. Как известно, больнее всего ранит тупая бритва...

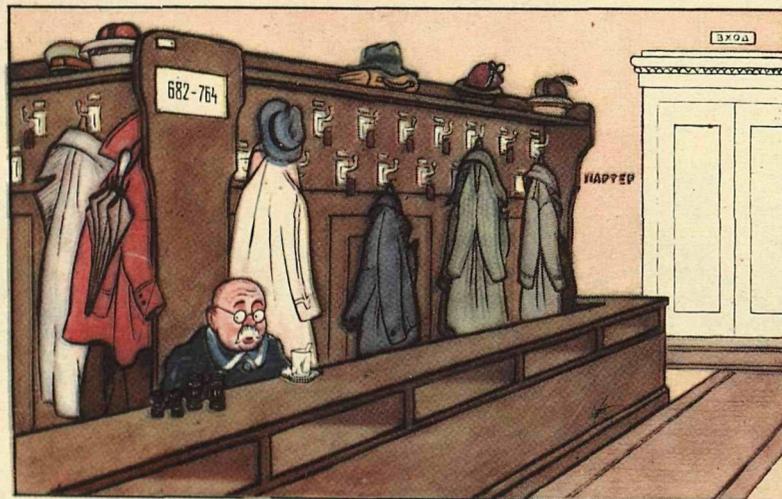
Ильинский

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ

Рисунок В. РУСЛАНОВА (артист Театра имени Евг. Вахтангова).

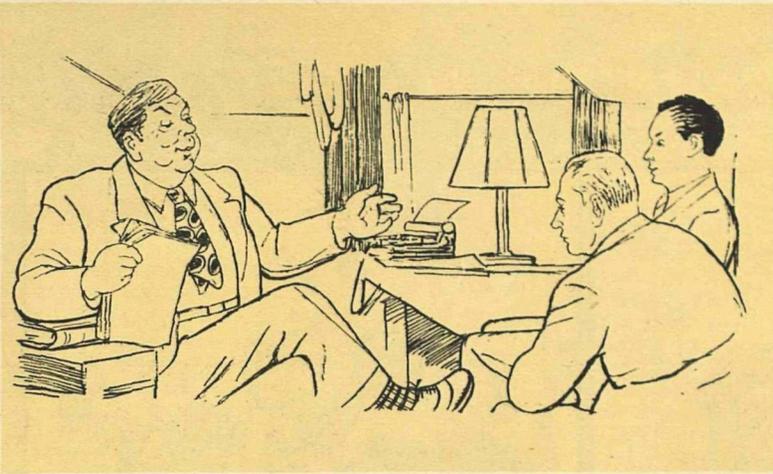
Первый акт.

Второй акт.

Третий акт.

РАЗГОВОР С КЛАССИКОМ

Разговорились мы с ним в поезде, возвращаясь из Сухуми в Ленинград.

Он вошёл в купе в сопровождении носильщика, который нёс коричневый портфель-чемодан и портативную пишущую машинку. Не дожидаясь отхода поезда, он вызвал проводника и попросил принести ему два стакана крепкого чая.

— Великолепно возбуждает творческую энергию, — сказал он, когда чай был принесён. Затем, вынув из футляра машинку и достав из портфеля несколько книг и с полдести чистой бумаги, он добавил: — В вагоне только и успеваешь поработать, а то, знаете ли, дела, дела, дела...

Пока наш попутчик, переводя взгляд с книги на машинку и с машинки на книгу, лихорадочно печатал, мы сгорали от любопытства: кто же он? В ушах загадочно звучали вскользь брошенные им слова о творческой энергии, возбуждаемой крепким чаем.

Предчувствие не обмануло нас. Когда мы познакомились с ним поближе и, зная уже, что имя, отчество нашего попутчика — Оскар Евгеньевич, осведомились о его профессии, он небрежно ответил:

— Драматург.

— Нам повезло, — обрадовались мы, — давно уже мечтаем потолковать со сведущим человеком о современной драматургии...

— Извините, — прервал нас Оскар Евгеньевич, — но как раз современная драматургия находится вне сферы моих интересов. Хлопотливое занятие! И идейный уровень выдерживай, и язык оттачивай, и конфликты придумывай, и сюжет закручивай, и образы раскрашивай, и каждый акт наполняй дыханием эпохи... Нет, увольте!

— Но вы же, — сбились мы с толку, — вы же драматург?

— Да, — подтвердил Оскар Евгеньевич. — Драматург-классик.

— Классик?! — бестактно вырвалось у нас.

Оскар Евгеньевич кивнул головой.

— Может быть, слышали — «Дворянское гнездо», «Мёртвые души», «Война и мир»?..

— Хм, — позволили мы себе хмыкнуть, — но перечисленные вами прозаические произведения...

— Счастье, что прозаические! — не дослушал нас драматург-классик. — Это и позволяет мне развивать и обогащать классическую драматургию!

Он захлебнулся не то чаем, не то восторгом, и мы поспешили закончить нашу мысль:

— Притом эти произведения давно уже написаны знаменитыми писателями...

— Великими писателями, — уточнил Оскар Евгеньевич, — гениальными писателями! Поверьте, краснеть за них мне не приходится! Я охотно делю с ними свою литературную славу.

— А они?

— Им-то что?! Их до сих пор Гослитиздат издаёт. Я и покупаю полные собрания сочинений. Так сказать, творческо-производственные затраты драматурга-классика. Окупается!

Допечатав страницу, он заложил в машинку чистый лист бумаги.

— До станции Бологое хочу сварганить новую комедию — «Человек, который смеётся». Включена уже в репертуарные планы двух ленинградских и трёх московских театров. Комедия — сейчас очень ходкий товар.

— А вы уверены, — осторожно спросили мы, — что роман Гюго — подходящий материал для вашей новой комедии?

— Название комедийное, — развёл руками Оскар Евгеньевич. — А роман, понимаете ли вы, я читаю по ходу перепечатки...

— Понятно, — не совсем поняли мы. — Однако Гюго, насколько помнится нам, был и драматургом. Данное произведение он счёл почему-то нужным изложить прозой...

— Гуманизм! — убеждённо произнёс Оскар Евгеньевич. — Все великие писатели были гуманистами. Ведь, правда же, очень гуманно с их стороны обеспечить нас, так сказать, потомков, хлебом с маслом...

— И много вас, драматургов-классиков, кормится этой пищей? — заинтересовались мы.

— Много, — вздохнул Оскар Евгеньевич. — Куда ни ткнёшься, всюду заявочные столбы. Приходится подымать новые пласты, рыть, промывать...

— И может оказаться, — продолжили мы, — что в один прекрасный день золотая жила иссякнет: всё уже будет инсценировано, даже письма и черновики...

— Бросьте, мальчишки! — отмахнулся Оскар Евгеньевич. — Не надо пугать пожилого человека.

— И всё же...

Драматург-классик таинственно подмигнул нам и плотнее прикрыл дверь в купе. Затем он запустил руку в портфель-чемодан и вынул откуда-то рукопись.

— Роман! — не без тщеславия произнёс он. — Если разрешите, я вам прочту первую страницу. Мне бы хотелось проверить на слух язык и композицию.

Он откашлялся и начал:

«Я пригласил вас, господа, — сказал городничий, — с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие. К нам едет ревизор.

— Как, ревизор? — воскликнул Аммос Фёдорович Ляпкин-Тяпкин.

— Как, ревизор? — воскликнул Артемий Филиппович Земляника...

— Ревизор из Петербурга, — повторил городничий, — инкогнито.

Оторвавшись от рукописи, Оскар Евгеньевич испытующе взглянул на нас.

— Вот так начинается мой роман!

— Как в аш роман? — воскликнул один из нас.

— Как в аш роман? — воскликнул второй из нас.

— Да, — повторил Оскар Евгеньевич, — только что законченный мною роман. Прямо с машинки...

Он положил перед нами рукопись. На титульном листе огромными буквами было выведено:

«О. Е. Волчихин

РЕВИЗОР

Роман

в пяти частях

(По Н. В. Гоголю).

У нас перехватило дыхание.

— Ну, — стал допытываться Оскар Евгеньевич, — что скажете?

— Ничего не скажешь. Из истории литературы известны случаи преемственности сюжета. Пушкин подарил сюжет «Ревизора» Гоголю...

— Совершенно верно, — поддержал нас Оскар Евгеньевич. — А Гоголь презентовал его мне...

— Посмертно?

— Если хотите, — подумав, ответил Оскар Евгеньевич. — Все мои взаимоотношения с классиками вообще носят несколько посмертный характер...

Он нежно поглаживал пухлую рукопись ещё более пухлой рукой, и лицо у него было такое, какое бывает у матери, любовно треплющей щёчки новорожденного ребёнка.

— Нелёгкая задача, дорогие мальчишки, пройтись рукой мастера по сокровищам мировой литературы. Конечно, классическая проза — это, так сказать, моё будущее. Пока что меня кормит драматургическая классика. Что ни говори, а когда вкладываешь в творчество свои кровь, мясо...

— И мускулы, — подсказал старший из нас, указывая на пишущую машинку.

— И мускулы, — согласился драматург-классик. — Один Вильям чего мне стоил!

— Шекспир? — догадались мы оба.

— Он самый. Когда работаешь за одним письменным столом, обычно называешь друг друга по именам...

— Но Шекспир, кажется, сам писал пьесы.

— В прошлом. До наших дней сохранились главным образом старые литературно-сценические редакции. А я создаю новые. Уточняю замысел, идею, характеры. Над одним только «Отелло» сколько провозиться пришлось! Возьмите сцену с платком. У Вильяма почему-то Отелло здесь мямлит, ни с того, ни с сего говорит стихами. А в такой психологический момент генерал должен принимать немедленное решение и выражаться грубой армейской прозой. Ему тут не до поэзии, дорогие мальчишки! У Вильяма было так: «Вы помолились на ночь, Дедемона?», и она отвечает: «Да». У меня всё иначе: «Дедемона, молилась на ночь?» — спрашивает Отелло, и Дедемона отвечает: «Точно!» Доходит?

— Доходит! — закричали мы. — В этом слове «точно» заключено всё: Дедемона — боевая подруга храброго генерала, делившая с ним все радости войны; она прошла с ним весь его путь — от рядового солдата до командира отдельной части; она варила ему на походных кострах кашу из концентратов...

— Дошло! — просиял Оскар Евгеньевич.

Навёрстывая упущенное время, он принялся рукой мастера «промывать» роман Гюго.

Стучала пишущая машинка. Стучали колёса вагона.

Драматург-классик дописывал уже второй или третий акт комедии «Человек, который смеётся», когда мы взглянули на одну из книжек, лежавших возле его пишущей машинки. Это был «Словарь иностранных слов», изданный Государственным институтом «Советская энциклопедия». На странице 226-й мы прочли:

«Инсценировать — 1) переделать литературное произведение, приспособив его для постановки на сцене; 2) устроить, изобразить что-либо с целью ввести этим кого-либо в заблуждение...»

Вторую часть приведённой цитаты мы хотели прочесть и нашему попутчику, но ему, увлечённому творческой работой, было не до нас.

— Не мешайте, — сердито заворчал драматург-классик. — Наш разговор закончен!..

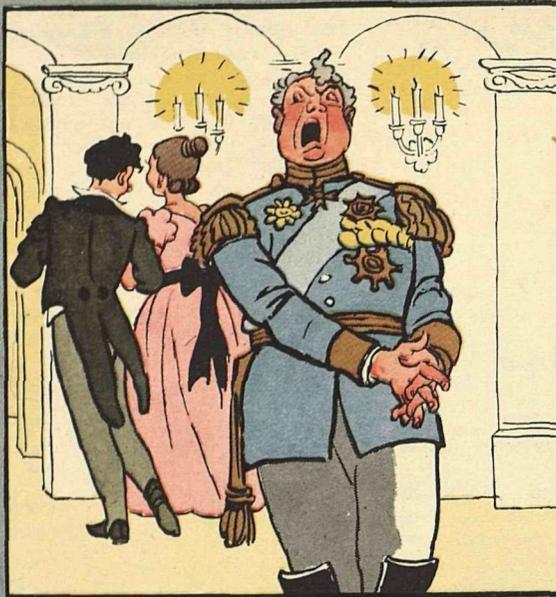
ЧТО БЫ БЫЛО, ЕСЛИ БЫ...

...«Евгений Онегин», «Отелло» и «Анна Каренина» вышли из-под пера некоторых современных драматургов, сдающих в театры разные варианты одной и той же пьесы.

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ:
«— О, жалкий жребий мой!..»

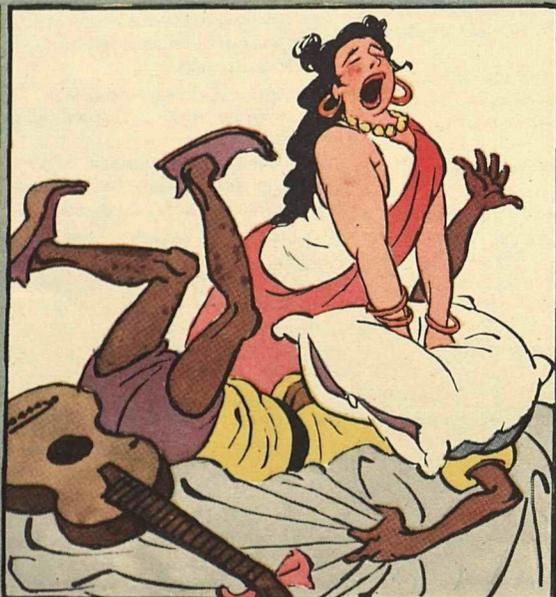
ВТОРОЙ ВАРИАНТ:
«— О, жалкий жребий мой!..»

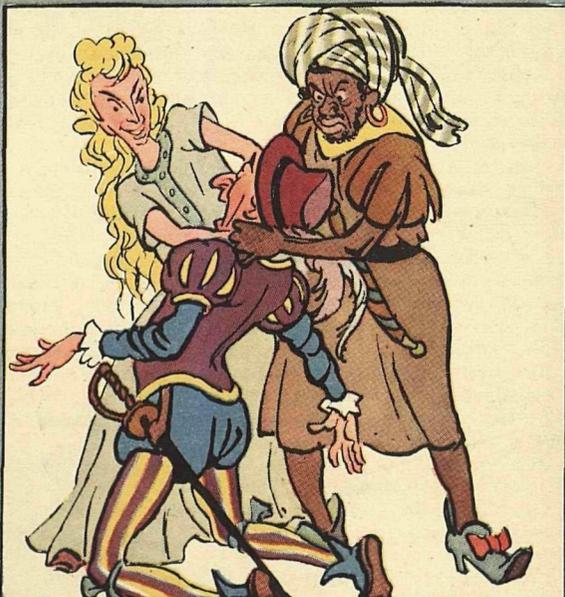
ТРЕТИЙ ВАРИАНТ:
«— О, жалкий жребий мой!..»

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ:
«— Обманщица, умри!»

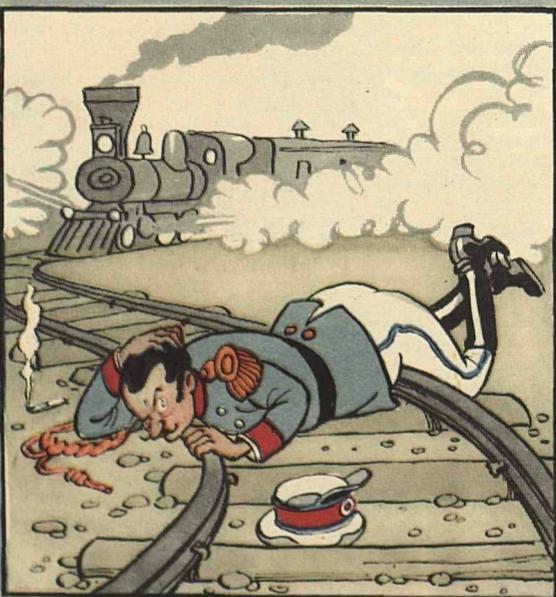
ВТОРОЙ ВАРИАНТ:
«— Умри, обманщик!»

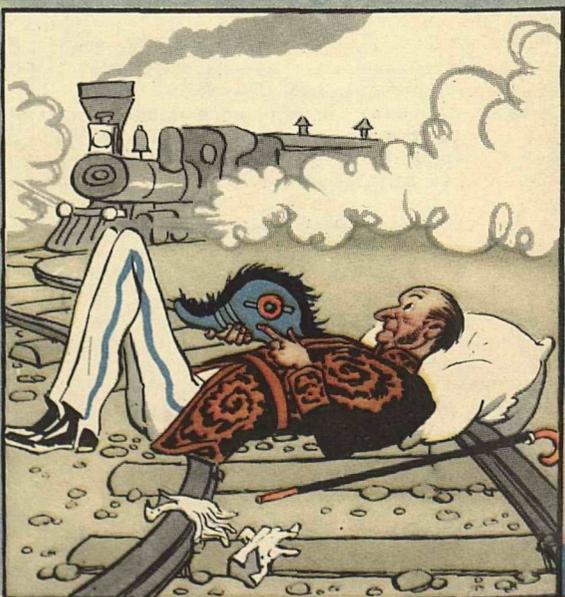
ТРЕТИЙ ВАРИАНТ:
«— Умри, обманщик Яго!»

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ:
«— Туда, на самую середину, и я накажу его!»

ВТОРОЙ ВАРИАНТ:
«— Туда, на самую середину, и я накажу её!»

ТРЕТИЙ ВАРИАНТ:
«— Туда, на самую середину, и я накажу их!»

ПЯТЬ БЕСБАРМАКОВ

Неторопливо прихлёбывая из пиалы чай, хозяин повествовал об интересном путешествии, совершенном выездной сессией народного суда на джайляу. Подробно описав хлопотные сборы, занявшие целых три дня, рассказчик перешёл к сути:

— Наконец, в понедельник тронулись. Прокурор Султанбаев, секретарь и я. Прямо на выпасы колхоза «Казатком», где травы ковром каскеленским цветут и реки жемчужные волны несут».

— Красота! — завистливо вздохнул гость.

— Приезжаем, — продолжал рассказчик. — Народные заседатели ждут. Обвиняемый доставлен. Но... свидетели ещё не прибыли. Что делать? Наш джан-прокурор говорит: «Всё к лучшему. Пока свидетели пожалуют, отдохнём на лоне девственной природы и в картишки сыграем». Кстати, ты играешь в преферанс? Занимательная и весьма умственная игра! За время командировки я освоил её детально... Только расположились на квартире, как является представитель колхозной общест-венности. Приветствует от полного сердца, заверяет, что давно нас ждут, справляется, что готовить на обед.

— У коренных казахов, — намекает прокурор, — любимое кушанье — бесбармак, любимый напиток — кумыс, любимый музыкальный инструмент — домра.

Представитель артельного мира оказался весьма понятливым. Тут же зарезали отличнейшего барана. Бесбармак был сверхсовершеннейший. Сало текло с пальцев ручьями. Кумыс доставили на полную потребность. Про-

курор так расчувствовался, что произнёс речь в стихах, начав её с кумыса:

— О хмельной, золотистый кумыс!

Ты наши джайляу собой украшаешь.

Так пенься, просясь в пиалу из кувшина,
Чтоб песни на тоях вздохных взвились.

— Жаксы! — снова вздохнул гость и облизнул губы. — А дальше?

— Дальше играли на домре, пели и резались в карты. Акын-прокурор всех нас обыграл. Везёт же этим поэтическим юристам!

Во вторник осматривали колхозную овцеферму. По сему случаю заведующий фермой Закиров устроил той. Опять бесбармак, кумыс, домра. Прокурор бесподобно исполнил арию Тулегена из оперы «Кыз жибек». Такой голощице!.. Барана доели ночью, после окончания второй пульки. В среду гостиwali у табунщика Бабажана... Запомнил его фамилию. Гостеприимнейший человек! И вот...

— Съели третьего барана, — подсказал гость, глотая слюнки. — Счастье для колхоза, что вы прожили на джайляу только три дня.

— Как три? Пять, — поправил хозяин. — Мы вернулись домой в субботу.

— Ойбай! — воскликнул собеседник. — Значит, вы съели пять баранов, как я догадываюсь?

— Ты отличный математик! — засмеялся хозяин.

— А дело-то разобрали?

— Увы! Нет. Свидетели так и не соизволили явиться. Видимо, им не были вручены повестки. Пришлось вернуться ни с чем.

Гость сокрушённо покачал головой.

— А кого должны были судить, за что?

— Некого Дарасова, расхитителя общественного добра. Наглец украл в колхозе двух баранов!

* * *

Мы забыли указать фамилию рассказчика. Это Бексентов, народный судья Энбекши-Казахского района, Алма-Атинской области. Просим, как говорится, любить и жаловать.

А. ОМЕЛИН

г. Алма-Ата.

А. ПЛЯХИН

Товарищ ХАПКИН

Лежат в делах райкома папки,
На каждой можете прочесть:
«Семён Владимирович Хапкин».
Чем знаменит он! Кто он есть!

Увы, он не изобретатель,
Он не учёный, не поэт,
И в этих папках не трактаты
И не стихи, конечно, нет!

Здесь груды писем, груды жалоб
На то, что Хапкин очень груб
И бюрократ, каких, пожалуй,
Нет и за тысячу вёрст вокруг,

Что он характера крутого,
Сказать прямее, скандалист,
Что нет спасенья никакого
Жене от мужа от такого,
К тому ж, он на руку не чист...

И в тех же папках аккуратно
Лежат решения партбюро.
Уже их сотни, вероятно,
Успело выскрипеть перо:

Ведь сколько раз товарищ Хапкин
Был осуждён, предупреждён,
Не единицы, а охапки
Имеет выговоров он.

Но только он сквозь эти громы
Проходит бодр и невредим,
И до сих пор бюро райкома
Ещё «работает над ним».

г. Курган.

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

СЕМЕЙНОЕ ТОРЖЕСТВО

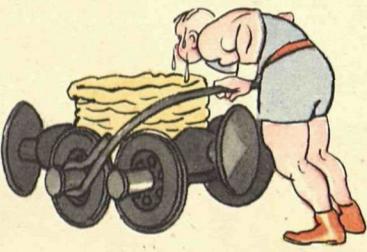
— У нас сегодня счастливый день: Вовочка получил первую тройку!

ДЕМОНСТРАЦИОННЫЙ ЗАЛ КРАКОДИЛА

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ЗАЛУ

Детская коляска
«ТЯЖЕЛОАТЛЕТ»

Экспонируется московской артелью «Детская коляска». Отличается необычайной простотой конструкторского замысла и нарочитой примитивностью формы. Обыкновенная плетёная корзина для разноски корнеплодов насаживается на четыре колеса и снабжается ручкой. Затем конструкция утяжеляется с таким расчётом, чтобы её вес соответствовал весу большегрузного товарного вагона. Таким образом, молодая мать, толкая ежедневно перед собой коляску, развивает незаурядную физическую силу. Вот почему мы усиленно рекомендуем это изделие не только матерям, но и атлетам всех весовых категорий как незаменимый для тренировок спортивный инвентарь.

Лыжи
«ПАЛИЦА ПРЕДКА»

Любезно предоставлены для «Демонстрационного зала» Кыштымским райпромкомбинатом Челябинской области. Сделаны из небрежно обструганных поленьев. Снабжены двумя тяжёлыми палками. Именно с такими палицами наши уважаемые предки охотились в доисторические времена на мамонтов. Кыштымские спортполенья обладают оригинальным свойством — уравнивать спортивные результаты их владельцев. Опытный лыжник и начинающий физкультурник независимо от своих намерений и возможностей пробегают на этих лыжах любую дистанцию в одинаковое время. Да-

же чемпион СССР, ставший на кыштымские лыжи, может передвигаться на них лишь со скоростью черепахи, страдающей подагрой.
Изделия кыштымских райпромкомбинатовцев можно рекомендовать спортсменам, решившим навсегда порвать со спортом.

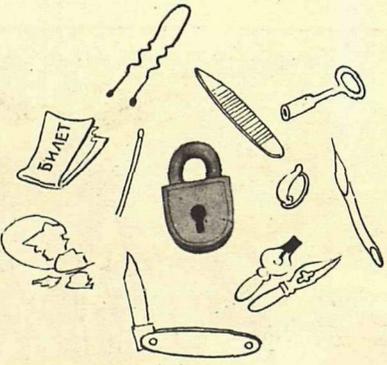
Расчёска
«БОРОНА»

Выпущена заводом «Пластмасс» (г. Харьков). Отличается чрезвычайно своеобразным размещением острых зубьев. Поэтому процесс расчёсывания волос смыкается с процессом, известным в сельском хозяйстве под названием «боронование». После боронования головы на ней остаются глубокие борозды. В особо тяжёлых случаях возможно самоскальпирование со всеми вытекающими отсюда неприятными последствиями.
Демонстрируемая расчёска отличается фантастической расцветкой: белые мраморные пятна по яркорозовому фону. Она, видимо, выпущена для мужчин, имеющих розовые в белых яблоках костюмы.

Замок
«РАДОСТЬ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ»

Выпущен Кировским райпромкомбинатом (г. Ростов-на-Дону). Конструкция замка свидетельствует о светлой детской вере его авторов в совестливость рецидивистов. Замок этот уже описан в литературе в 1933 году Ильфом и Петровым. По свидетельству писателей, он доставляет тихую радость правонарушителям. Его можно открыть «...головной шпилькой, перочинным ножом, пером «рондо», обыкновенным пером, зубочисткой, ногтем, спичкой, примусной иглой, углом членского билета, запонкой от воротничка, пилкой для ногтей, ключом от будильника, яичной скорлупой и многими другими товарами ширпотреба».
Ростовский замок можно, к сожалению, купить во всех магазинах, так как промкомбинат только в 1953 году выпустил его в количестве трёхсот девятнадцати тысяч восьмисот восьмидесяти штук!

Велосипед
«КАРАКАТИЦА»

Выставлен ленинградской артелью «Вело». Модель похожа на каракатицу, поставленную на колёса. Причудливая, ни с чем не сравнимая форма выгодно отличает артельный экспонат от прочих детских велосипедов, выпущенных отечественными заводами за последние полвека. Благодаря оригинально сконструиро-

ванному сиденью езда на таком велосипеде напоминает скачку на неоседланной лошади.
Родителям, желающим привить детям отвращение к велосипедному спорту, настойчиво рекомендуем приобрести эту удивительную машину.

Чемодан
«ВЕСЁЛЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК»

Брошен на рынок артелью «Коллективный труд» (г. Симферополь). Чемодан оснащён острыми металлическими угольниками, которые при желании могут быть использованы в качестве металло-режущих инструментов.
Крышка чемодана не закрывается. Это обстоятельство создаёт для его владельца массу комических ситуаций во время посадки в поезд. Опытным путём установлено, что чемодан лучше всего носить на вытянутых руках, на официантский манер. Это развивает ловкость, смекалку, гибкость, а также вырабатывает у счастливого обладателя чемодана пренебрежение к трудностям.

Текст С. ШАТРОВА.
Рисунки Е. ГОРОХОВА.

НЕ НА ТОМ БЕРЕГУ...

Радиотехник Леонид Дмитриевич Васильев ехал на побывку в своё родное село. Он давно уже не был в этих местах Алтая и почувствовал приятное волнение, когда вдали блеснула под солнцем водная гладь реки Уксунай. А вот и тётка реки — село, где стоит отчий дом Леонида Васильева. Что-то слегка изменилось в знакомом пейзаже. Ну, конечно же, отец ещё четыре года назад писал Леониду Дмитриевичу, что колхоз решил строить гидроэлектростанцию, и уже везут для неё оборудование, и скоро будут ставить столбы... Вон они, столбы с электропроводами, тянутся ровной шеренгой от реки к селу. Отрадная картина! Наверно, в колхозе теперь и кино и радио есть и многие трудоёмкие работы уже электрифицированы. Будет что посмотреть...

* * *

— Посмотрим, — сказал приезжий, когда весёлая суматоха долгожданной встречи немного улеглась и за окнами стало смеркаться. — Посмотрим прежде всего, как выглядит наш старый дом при новом освещении.

И он уверенно щёлкнул выключателем, торчавшим на стене возле дверной притолоки. Никакого светового эффекта за этим не последовало.

— Понятно, — сказал Леонид Дмитриевич. — Электроэнергию экономите... А когда дадут свет?

— Кто его знает, — хмуро сказал отец. — Может, через год, а может, и через три. Это нам неизвестно.

— Позвольте, как же так? Вот, я вижу, у вас и проводка есть и лампочки ввёрнуты. Может, какой-нибудь нужной детали нет?

— Вот именно, детали, — сказал старый колхозник. — Всё есть — и оборудование и проводка. Только одной пустяковины не хватает: электростанции нет.

И, помолчав, добавил:

— Кстати, насчёт оборудования: пойдём-ка, я тебе что-то покажу.

Они вышли за околицу, и глазам приезжего явилось зрелище необыкновенное. В чистом поле, открытый всем ветрам и непогодам, стоял громадный локомотив. А чуть подалее, в густых зарослях бурьяна, валялись роторы турбин, трансформаторы и множество других частей сложного оборудования электростанции. И повсюду, куда ни глянь, рыжий, ядовитый цвет ржавчины, которая довершает свою разрушительную работу!

Вот здесь-то, на унылом кладбище машин, и узнал городской гость странную, почти невероятную историю.

...Четыре года назад колхозники села Уксунай решили строить гидроэлектростанцию. Государство выдало им суду. Нашёлся без особых хлопот и подрядчик — Алтайская краевая контора «Сельэлектро». С самого начала подрядчик показал прямо чудеса расторопности. В два счёта был составлен проект, и ещё не успели начать земляные работы и постройку плотины, как из города потянулись грузовики с машинами для электростанции. Машины свалили в чистом поле, и энергичные электрификаторы стали водружать столбы, вести проводку в дома колхозников.

Прошёл год, другой. На третий, когда наступил уже срок сдачи электростанции, в Уксунае снова появились представители «Сельэлектро». Они совершили прогулку по берегу реки, скорбно покачали головами и заявили:

— Не выйдет!

— Что не выйдет? — спросили колхозники.

— Электростанция не выйдет. Промашку дали: не на том берегу спроектировали. Будьте здоровы!

Так и закончилось строительство электростанции в селе Уксунай.

— В общем, Леонид, будет к тебе от всех наших колхозников просьба, — сказал

отец. — На обратном пути заверни в это самое «Сельэлектро», узнай, о чём они там, бессовестные, думают.

* * *

Леонид Васильев выполнил просьбу одессельчан. Он посетил главного инженера Алтайской краевой конторы «Сельэлектро» тов. Мурышкина. Из беседы выяснилось, что тов. Мурышкин думает так:

«Из-за чего, собственно, такой шум и звон? Вон у нас Залесовская электростанция с 1941 года строится. Сколько на неё проектов составлено да забраковано!.. А тут каких-нибудь три года! Впрочем, пускай эти уксунайские колхозники утешатся и перестанут докучать нам своими жалобами: да будет им известно, что мы сейчас составляем новый проект и начинаем всё сначала.»

(Оставалось неизвестным только одно: что думает невозмутимый Мурышкин об огромных убытках, причинённых государству бурной деятельностью Алтайской конторы.)

...Обо всей этой скверной истории Л. Васильев поведал нам в своём письме с приложением убедительных фотодокументов. В заключение он просил:

«Повидайте, пожалуйста, начальника «Главсельэлектро» тов. Кулефеева, узнайте, о чём он там думает.»

Мы выполнили просьбу автора письма. Едва зашла речь о бездельниках и дармоедах от электрификации, которые, как пьявки, высасывают деньги из колхозов, товарищ Кулефеев сделал скучное лицо.

— А! — сказал он. — Алтайская контора? Это нам известно. Правда, начальник там сейчас новый, но дела идут пока по-старому. А у вас что, наверно, материал для фельетончика? Так вы лучше передайте нам этот материал для издания соответствующего приказа...

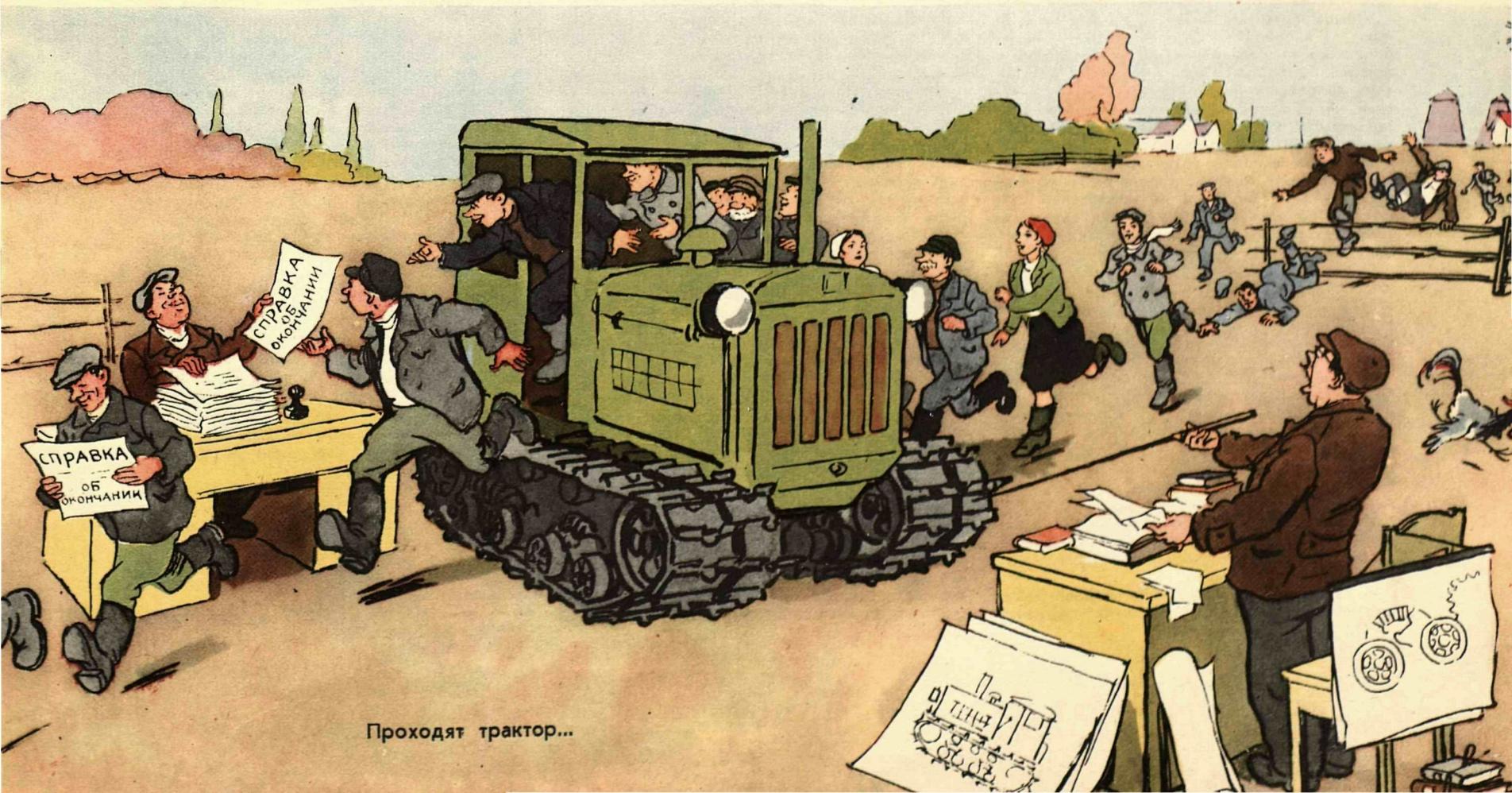
Мы решили выполнить и просьбу тов. Кулефеева. Вероятно, он не посуетит, что этот материал напечатан типографским способом на страницах журнала... В печатном виде материал воспринимается гораздо легче...

В. ПУХНАЧЕВ

КРАТКОСРОЧНЫЕ КУРСЫ ТРАКТОРИСТОВ

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

Существовавшая система подготовки кадров трактористов на краткосрочных курсах велась из рук вон плохо и не обеспечивала получение необходимых технических знаний.

Проходят трактор...

Правительство Гватемалы национализирует землю, принадлежавшую американской «Юнайтед Фрут компани».

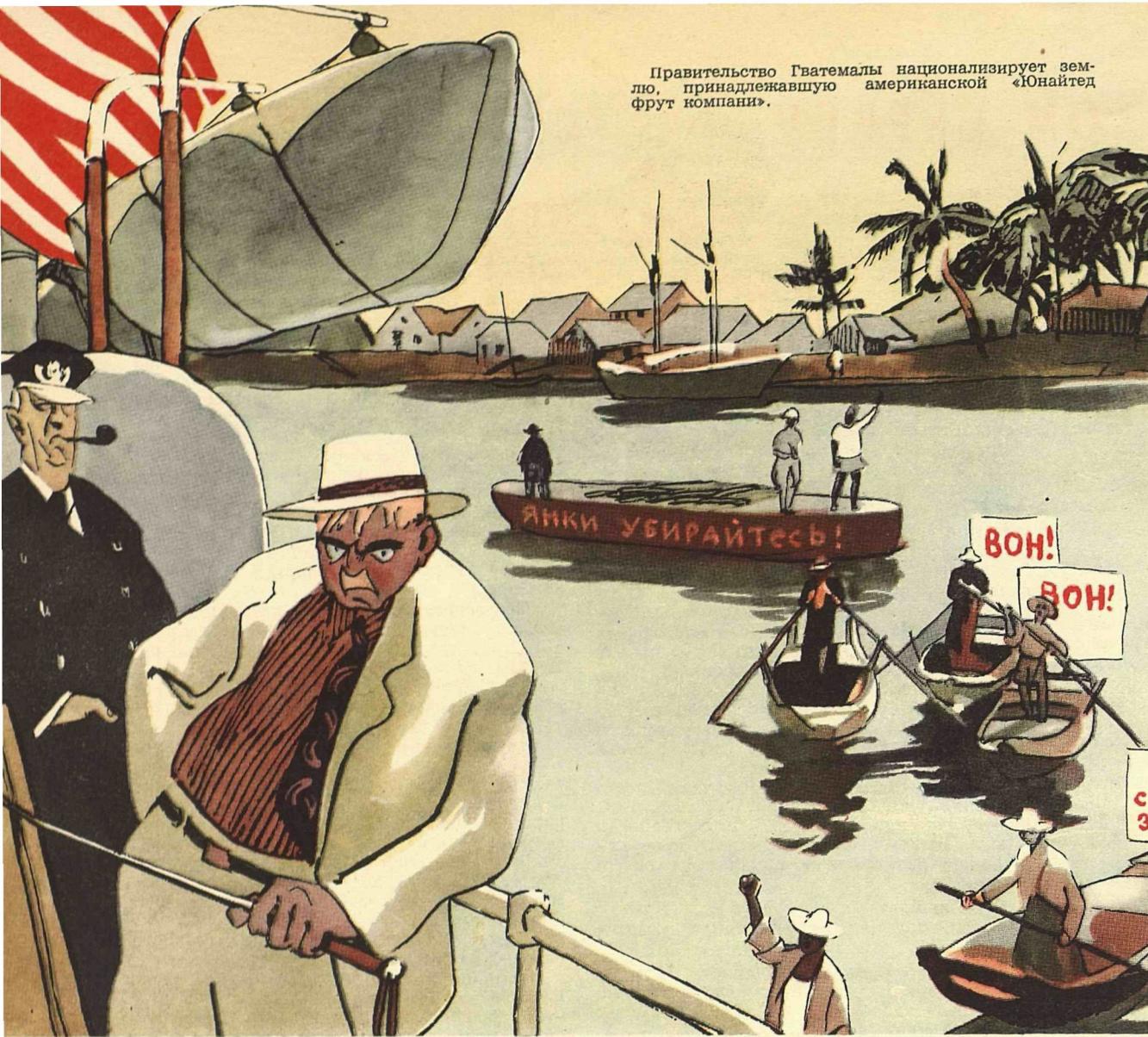

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

— И здесь почва уходит у нас из-под ног.

Нечистая сила

Возрождающийся ныне в Западной Германии концерн смерти «И. Г. Фарбениндустри» во главе с Германом Шмицом и его коллегами олицетворяет собой всю ту нечистую силу, которая собралась вокруг аденауэровского котла с реваншистским варевом.

Что шабаш ведьм на Лысой горе по сравнению с очередным будничным заседанием боннского парламента, на котором в глухую полночь Западной Германии идёт бойкий торг человечиною! Что немудрящий гоголевский чёрт, в потё лица своего пытавшийся приобрести за горсть золота хотя бы одну человеческую душу, рядом с дядей Самом, без особых хлопот закупающим по дешёвке целые взводы парламентариев и генералов! И куда там бабе Яге с её колдовским снадобьем до «докторов химических наук», готовящих запатентованное чёрное зелье человеку на пагубу!

Было время, когда химический концерн «И. Г. Фарбениндустри» представлялся миру такой милой овечкой с голубеньким бантиком. С нежным блеянием паслось невинное четвероногое на зелёной лужайке с цветочками, пощипывая травку прибылей.

Многие из нас ещё помнят гимназистов предреволюционных лет, гордившихся коллекциями анилиновых чернил всех цветов радуги, добротными химическими карандашами и яркими облатками для склеивания конвертов. Многие помнят о флакончиках и коробочках с лекарствами, таких заманчивых с виду, что руки сами тянулись к ним. Все эти радужные краски и облаточки, благодушные флакончики и коробочки были продукцией только возникавшей тогда химической промышленности Германии.

И вдруг на полях сражений первой империалистической войны вспыхнули смрадные

факелы огнемётов, заживо сжигавших людей, поползли к солдатским окопам мутные волны хлора... Голубенькие бантики были уже ни к чему, овечка сбросила свою шкуру, пришло время разгуляться нечистой силой!

И наконец вторая мировая война. Многие и поныне недоумевают: в мозговых извилинах какого сверхизювера могла возникнуть мысль о «душегубках»? Кто порадовал Гитлера этим смертоносным шедевром? Те же «доктора химических наук» из концерна «И. Г. Фарбениндустри», ставшего основной опорой фашизма в Германии.

Этот концерн скорчил Гитлеру четыреста тысяч марок ещё тогда, когда бесноватый только рвался к власти: дорвётся, дескать, — разочтётся. И верно, капиталовложение в пасть фюрера дало концерну обильнейшую сверхприбыль. Поднявшись на дрожжах заокееанских и отечественных субсидий, фашизм вышел на большую дорогу международного разбоя — и тут уж только поспевай, концерн, поторапливайся! Поставляй взрывчатые вещества, насыщай утробы «тигров» и «мессершмиттов» синтетическим бензином, смазывай военную машину, толкай её, обутую в искусственный каучук, вперёд по дорогам войны! Но всё это ещё лишь полдела для концерна смерти. Ведь его хозяева по своей основной профессии — отравители. И вот это уже — настоящее дело, кроваво-золотое дно, предел человеконенавистнических мечтаний.

Концерн не остановился на «душегубках». Разве мог он удовольствоваться столь ничтожным использованием своих производственных мощностей? Перед хозяевами «И. Г. Фарбениндустри» маячили гораздо более широкие возможности для душегубства. Им не стоило большого труда выхлопотать себе у Гитлера сто тысяч рабов из концентрационных лагерей

с правом делать с ними всё, что будет угодно. Испытывать на них яды и газы, травить и душить. Чтобы опробовать на «живом материале» новые газы, ему предоставили в собственность, как опытный полигон, один из концлагерей-филиалов Освенцима.

Дипломированные слуги концерна педантично травили тысячи людей, снимали результаты на киноплёнку, изучали, анализировали, обобщали, совершенствовали аппаратуру убийств...

И разве не на дьявольскую кухню этого концерна рассчитывал фюрер, уже метавшийся в бункере под развалинами имперской канцелярии, когда он угрожал применить «секретное оружие»? Ведь недаром на допросе в 1945 году председатель правления «И. Г. Фарбениндустри» Герман Шмиц так хвастливо сформулировал главную задачу концерна:

«Я делал всё возможное для того, чтобы Гитлер использовал тотально уничтожающий газ».

Два года спустя западные оккупационные власти судили главарей концерна. И так как в роли высших судей выступили американские духовные пастыри и кредиторы фашизма, всё обошлось благополучно для концерна. Заслуги Германа Шмица и его собратьев по душегубству не были забыты. Ныне изверги рода человеческого снова на свободе.

Да и могло ли быть иначе, если крупнейшие американские фирмы «Стандарт ойл оф Нью-Джерси», «Дженерал анилин энд филм корпорейшн» и другие химические фирмы

Англии, Франции, Италии, Испании, Норвегии оказались тесно породнившимися со своими немецкими коллегами! Родственные отношения сказались ведь и во время войны: девять десятых западногерманских предприятий «И. Г. Фарбениндустри» уцелели при бомбёжках американской и английской авиации. Дело это деликатное, надо понимать!

Так выжила нечистая сила. Вновь воспрянув в боннском «государстве» и потянув носом, она ринулась к аденауэровскому котлу. Понятно, не обошлось и здесь без дяди Сама, на призывный свист которого немедленно откликаются и аденауэры и шмицы. Попржнему оттачивают ядовитое жало этого концерна поджигатели войны.

Ожили и отравляют воздух Западной Германии химические предприятия. Возглавляют их старые директора-уголовники, в том числе и Герман Шмиц. Деловито, с видом фирмы, вполне оправдавшей надежды кредиторов, вновь собирает концерн воедино всю свою нечисть. Производится обмен прежних акций «И. Г. Фарбениндустри» на акции вновь созданных акционерных обществ; старым, до гроба преданным фашизму служащим концерна выплачиваются пенсии; в погоне за прибылями заокееанские финансовые тузы наполняют сейфы западногерманских пушечных королей мутнозелёным потоком долларов.

«Наверстать упущенное!» — взывает концерн к своему старому американскому пастырю. И пастырь в ответ отечески возлагает позлащённые длани свои на маковку людоёда: «Благословляю, сын мой! В деяниях твоих — моё благоденствие...»

«Концерну «И. Г. Фарбениндустри» война нужна так же, как человеку ежедневно нужен хлеб», — писал как-то американский публицист Сэюли. Это подтверждает каждая страница истории концерна смерти, которая началась и, без сомнения, закончится на глазах наших современников.

А. ВЕЛИЧКО

ВНИМАНИЮ

СЕНАТОРА МАККАРТИ

Да будет нам позволено задать вопрос: не придираемся ли мы к Маккарти и к маккартистам, не черним ли мы этих какникак джентльменов, призванных ограждать безопасность США, устанавливая, что в США дозволено и что не дозволено, кого можно пускать в США и кого нельзя?

В самом деле, могли ли соответствующие джентльмены разрешить, к примеру, французскому физику Маргарете Перей приехать в Нью-Йорк на Международный конгресс химиков, если им о ней доподлинно известно, что десять лет тому назад она пригласила на открытие своей физической лаборатории Ирэн Жолио-Кюри — жену профессора Фредерика Жолио-Кюри? К счастью для американских джентльменов, этот поистине беспрецедентный факт был своевременно зафиксирован и, как видите, пригодился, чтобы обезопасить США от проникновения столь опасного учёного.

Могли ли те же господа впустить в Нью-Йорк швейцарского учёного доктора Л. Ружичка, если им доподлинно известно, что она является членом Академии наук одной из стран, которая позволила себе беспрецедентную вольность — голосовать в ООН за одно из предложений СССР, направленных к укреплению мира?

Далее, могло ли руководство университета в Орегоне не уволить профессора Ральфа Шнитцера, если этот учёный позволил себе рекомендовать своим коллегам изучать учение Мичурина? Началось бы с мичуринских яблок, а кончилось бы бог знает чем.

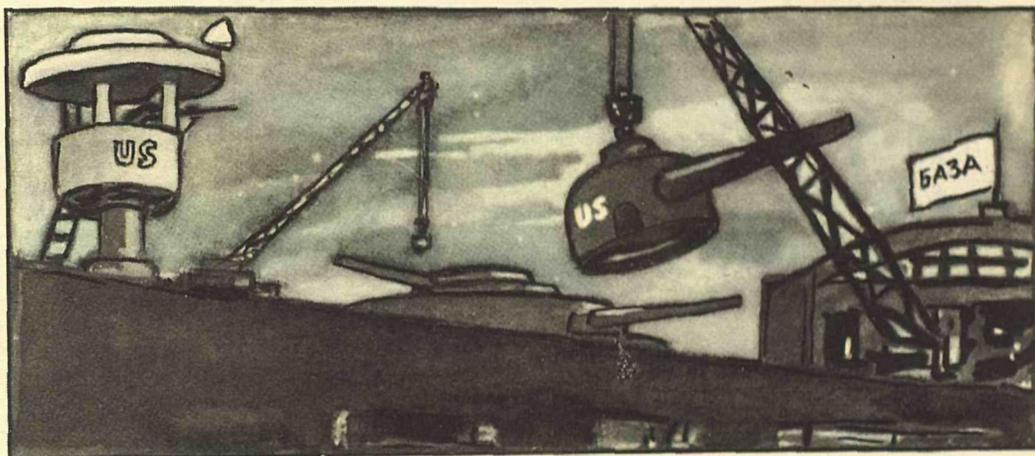
Всё, что такие господа делают в США, они делают в силу определённых принципов. А вот действия кое-каких судей в Нью-Йорке показали нам, грубо говоря, беспринципными.

Эти судьи отменили решение городских властей, уволивших с работы 57-летнего Б. Пинджера, заподозренного — шутки в сторону! — в «подрывной деятельности». Судьи не только отменили это решение, но и записали в своём определении следующее: «Не усматривается угроза государственной безопасности, если упомянутый Б. Пинджер и впредь будет продолжать свою деятельность в качестве (а ну-ка угадайте, в каком качестве?) смотрителя (где, где?) в общественной уборной».

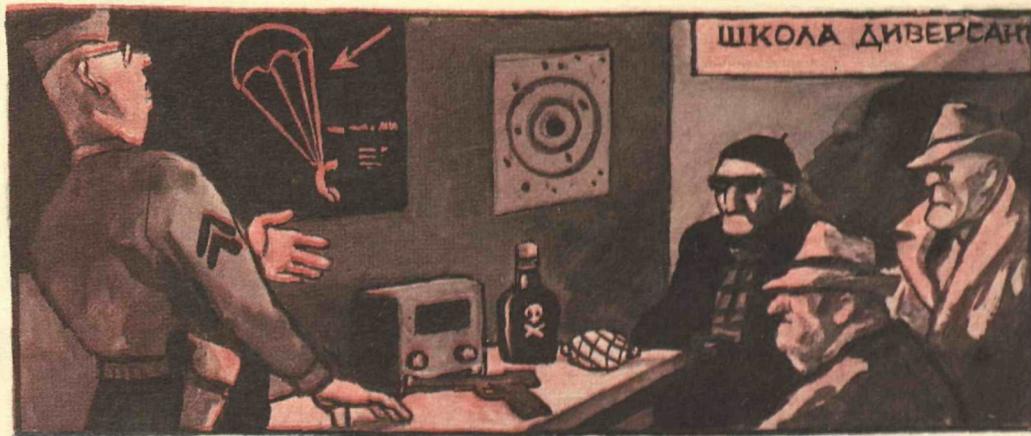
Разве это «определение» не доказывает, что среди американских судей ещё имеются гнилые либералы, засоряющие кадры общественных уборных? Мы думаем, что сенатор Маккарти займётся этими джентльменами. Пожелаем ему успеха!

— Почему вы отказываетесь платить налоги? Ведь деньги идут на...

...строительство...

...образование...

...и различного вида помощь.

В Австрии до настоящего времени не изъяты из обращения пфенниги с гитлеровской свастикой и гербом фашистской империи

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— Мы с тобой, как и прежде, в ходу!

Леонид СОБОЛЕВ

КРОВАВАЯ БУХГАЛТЕРИЯ

Любопытнейший скандал происходит за океаном. Он мог бы показаться весьма забавным, если бы дело не шло о человеческой крови.

Как известно, военные круги США прикрывали войну в Корее голубым знаменем Организации Объединённых Наций. В своё время были пущены в ход всякие пышные слова о «святом долге стран-членов ООН», о защите «попираемой свободы и демократии», а делегатам некоторых стран, зависящих от США, прямо намекнули, что мало голосовать на ассамблеях за американские предложения и что их правительству неплохо было бы доказать свою преданность посылкой войск в Корею. Таким образом — не без труда — под голубые знамена удалось привлечь турецких янычаров, голландских «волонтеров», выпущенных из уголовных тюрем, заполучить английские и канадские войска, солдат Южно-Африканского Союза, Колумбии и ещё нескольких стран.

И тогда американские бизнесмены в генеральской форме, действуя от имени командования войсками ООН, предложили «союзникам» щедрую помощь США вооружением, продовольствием,

транспортом. Почти все представители союзных держав подписали невинные на первый взгляд обязательства — расплатиться по окончании войны с Соединёнными Штатами за любезно предоставленное снаряжение и за услуги по перевозке войск.

И тут начался американский сервис. Защитников лисынмановского режима одели в залежавшееся на складах американское обмундирование, посадили на американские корабли, снабдили консервами, безопасными бритвами, бутылками «кока-кола» и виски, нейлоновыми зубными щётками, гигиеническим бельём, карманными фонарями, жевательной резиной и прочими благами американской культуры, необходимыми для поддержания боевого духа. По прибытии в Корею их завалили автоматами и патронами, орудиями и снарядами, палатками и патентованными кухнями. Словом, обслужили клиентов с подлинно американским размахом. По всему было видно, что США решительно ничего не жалеют для восстановления лисынмановского рая в Корее...

И вот столь роскошно обслуженные рыцари ООН закончили свой «славный подвиг»: их уси-

лиями разорена и выжжена цветущая страна, убиты сотни тысяч её мужчин, женщин и детей. «Святой долг» стран-членов ООН выполнен, осталось заплатить долг Соединённым Штатам.

Тут-то и разразился международный скандал.

Стоимость американского сервиса оказалась такой, что представители заинтересованных стран ахнули. И есть от чего.

Возьмём, к примеру, маленькую Колумбию. «Обслуживание» её единственным батальона Соединёнными Штатами привело к солидной цифре долга — в 10 миллионов долларов. Выходит, что бряцание оружием каждого из колумбийских вояк обошлось его стране не меньше 10 тысяч долларов!..

Если бы язык служил буржуазным дипломатам не для того, чтобы скрывать мысли, в учреждениях ООН стоял бы сейчас возмущённый разноголосый вопль:

— Караул! Грабят!

Но вместо того, чтобы хватить кулаком по столу и произнести крепкие окопные слова, представитель Колумбии заявил только, что «если бы его страна знала, сколько ей придётся платить за снаряжение, солдаты побросали бы его и вернулись домой». О других же делегатах «Нью-Йорк таймс» сообщает, что «правительства их были удивлены, какое, оказывается, огромное количество материалов и услуг было предоставлено, и жалуются, что американская армия проявила при этом слишком большую щедрость».

Удивляться тут совершенно нечему. Разве можно было упустить такой превосходный бизнес, который открывали расписочки неосторожных союзников? И американские дельцы спрavedливо возвратились воевсю. «Заказ подписали? Подписали. Обслужить просили? Просили. Ну, так гоните доллары, вас и обслужили по первому разряду!»

Владельцы американских похоронных бюро действуют испытанным способом: они обычно подсовывают убитому горем главе семьи бланк заказа по первому разряду, где нужно только поставить подпись, и вполголоса заверяют, что всё будет сделано как надо. Выждав приличный срок, когда скорбь утихнет, они представляют к оплате счёт, который оказывается неожиданно крупным ввиду перенасыщения всяческими роскошествами похоронного искусства, без которых покойник, строго говоря, мог бы легко обойтись: тут и факельщики в цилиндрах, и пол-

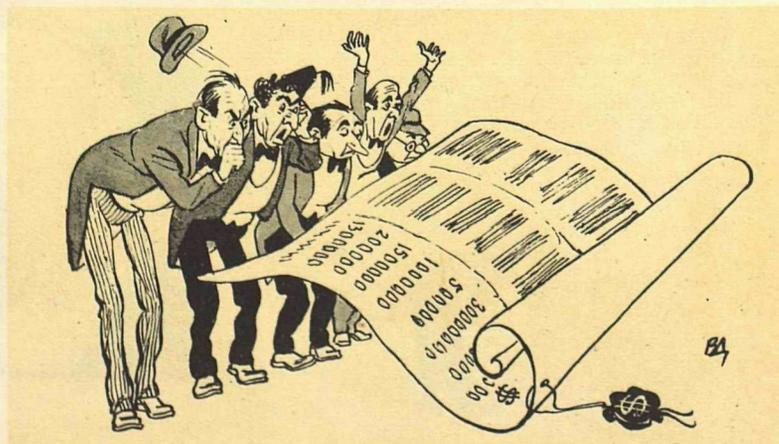
ное освещение собора, и знаменитый органист на зауспокойной мессе. Но спорить поздно: пышный гроб уже в могиле, розы и пальмовые ветви растоптаны копытами двенадцати лошадей в страусовых перьях, свечи сгорели, орган замолк...

Нечто подобное произошло и с «войсками ООН». Грандиозная похоронная процессия разноязычных полков, отрядов, батальонов, направившихся к своим могилам в Корею, была организована совершенно в манере мастеров зауспокойного дела: сперва были подсунуты расписочки, а потом началось обслуживание по первому разряду. При этом в качестве военного снаряжения американские фирмы сплавляли множество товаров, без которых войска легко могли обойтись. В счёт было поставлено огромное количество вооружения, контролю не поддающееся, ибо одна порядочная часть его была уничтожена противником, а другая — отобрана им в целости. Перевозка в трюмах военных кораблей была посчитана по ценам комфортабельных трансокеанских лайнеров. Словом, всякое лыко было поставлено в строку и подлежало оплате согласно опрометчивому обязательству заказчика.

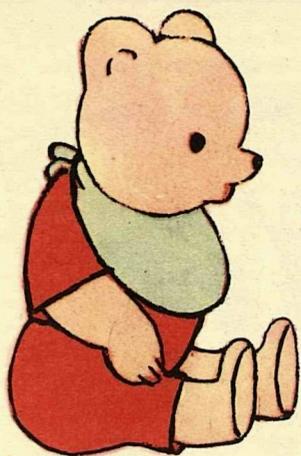
Пока что по этим счетам уплатили Норвегия, Голландия, Швеция, Южно-Африканский Союз, Канада. Остальные «союзники» пытаются сопротивляться и, как пишут газеты, «ведут переговоры» — настолько их ошеломила своеобразная «помощь» американской армии и связанных с нею трестов, заводов, фирм. По этому поводу «Нью-Йорк таймс» с тревогой сообщает: «В кругах ООН существует конфиденциальное мнение, что в случае возобновления военных действий в Корее требования штаб-квартиры ООН выделить войска могут натолкнуться в некоторых странах на сопротивление, если эти страны будут снова принуждены оплачивать военное снаряжение по высоким американским стандартам...»

В этой кровавой бухгалтерии замечательно то, что, пожалуй, впервые в истории капиталистического мира поставка «пушечного мяса» не принесла никакой выгоды тем, кто торгует своей армией, а, наоборот, вогнала их в убытки: пришлось платить за своих же убитых солдат — и притом немалые деньги. Такой поворот дела, несомненно, заставляет правительства стран, попавших в ловушку американского «обслуживания», всерьёз призадуматься.

Как говорится, подсчитали — прослезилась...

ВНЕПРЕЙСКУРАНТНЫЙ МИШКА

Крохотный — 6×4 сантиметра, — он свободно укладывается на детской ладони. Мордочка и лапы у него золотистые, глазок чёрный, комбинезон красный, а фартучек зелёный. Впервые увидев его, только что выскочившего из-под вышивальной машины, солидные люди заулыбались: «Хорош!»

Жизнь шёлкового медвежонка начиналась прекрасно. Мишку отгладили утюгом и пришили к нарядному зимнему платью для девочки-дошкольницы. Потом позвали девочку, надели на неё платье и повели в большой, светлый зал Дома моделей, где заседали члены Художественного совета.

Девочка с мишкой на кармашке взбежала на высокий помост, с которого показываются новые модели.

Кругом зааплодировали, и модель была одобрена.

Но... бедный мишка, спокойно глядевший чёрным глазком с кармана платья, и не подозревал, сколько хлопот он доставит людям, ибо его появление на свет божий не предусмотрено ни в одном преЙскуранте.

Жарким летом из Дома моделей в «Главшвейпром» написали письмо. Так, мол, и так, утвердите, пожалуйста, шёлкового медвежонка как отделку для зимнего детского платья. Дождались осенью с улицы Кирова, где находится «Главшвейпром», на Кузнецкий мост, где находится Дом моделей, пришёл ответ.

У заместителя начальника Главного управления швейной промышленности А. И. Ларьковой не было принципиальных возражений против шёлкового медвежонка. Но санкционировать его появление на свет Антонина Ивановна не решалась.

— Пусть идут со своим внепреЙскурантным медведем в Особую комиссию по утверждению образцов товаров широкого потребления при Моссовете, — решила она.

Но легко предложить, а как-то выполнить! Чтобы мишка попал в Моссовет, нужно:

сначала утвердить на заседании Художественного совета мишку «персонально», независимо от платья, «в зарисовках и в натуре»;

затем снабдить его солидной документацией и доставить на приём в один из вторников, когда заседает комиссия.

Бедный мишка! Он никак не мог понять, отчего вдруг так изменилась его жизнь. Каждый раз стали приходиться какие-то люди, щупать его, мять, дёргать... Впрочем, люди, которые беспокоили мишку, совсем не хотели его обижать, они просто старательно выполняли директиву А. И. Ларьковой и оснащали мишку «документацией». Наконец был завершён и этот этап. Тогда позвали упаковщиков и стали готовиться к походу.

— Мы идём... мы идём... — напевал весёлый упаковщик и укладывал в короб:

- 1) крохотного мишку с пришитым к нему огромным ярлыком;
- 2) готовое платье с мишкой на кармане;
- 3) точно такого же медвежонка, но не вышитого, а нарисованного;
- 4) «техническое описание» мишки (четыре страницы на машинке через один интервал)... два экземпляра;
- 5) планово-сметную калькуляцию со множеством граф и цифр, из которых следовало, что мишка обойдётся в несколько копеек, — два экземпляра;
- 6) четыре картонные ленты с наколотым на них узором для вышивки мишкиной морды, костюма, фартука и прочего, общей длиной до 500 метров;
- 7) выписку из постановления Художественного совета, благословляющего мишкино появление на свет.

У входа в зал, где заседала комиссия, толпилась огромная очередь. Главные инженеры или их заместители доставили в авторитетную комиссию метёлки, кастрюли, кровати, дамские шляпы, галстуки, мышеловки — всё, что намечались в будущем производить их артели или предприятия. Очевидно, эти артели и предприятия собирались производить многое. Очередь до мишки в тот день не дошла.

— Придётся через неделю, — успокоил секретарь.

Люди, принесшие мишку, облегчённо вздохнули:

— И всё?

Стоявший неподалёку человек с мышеловкой иронически усмехнулся:

— Чего захотели?! Всё! Ах вы, дети... Да здесь ведь только образец утверждают, а потом в бюро цен надо, а уж после можете размножить вашего мишку сколько хотите!

Кто-то скорбно вздохнул и поставил короб с мишкой на пол.

— Да вы не волнуйтесь, привыкайте... — продолжал словоохотливый человек, — в декабре ведь снова придётся сюда прийти. Образец разрешается только до конца текущего года...

* * *

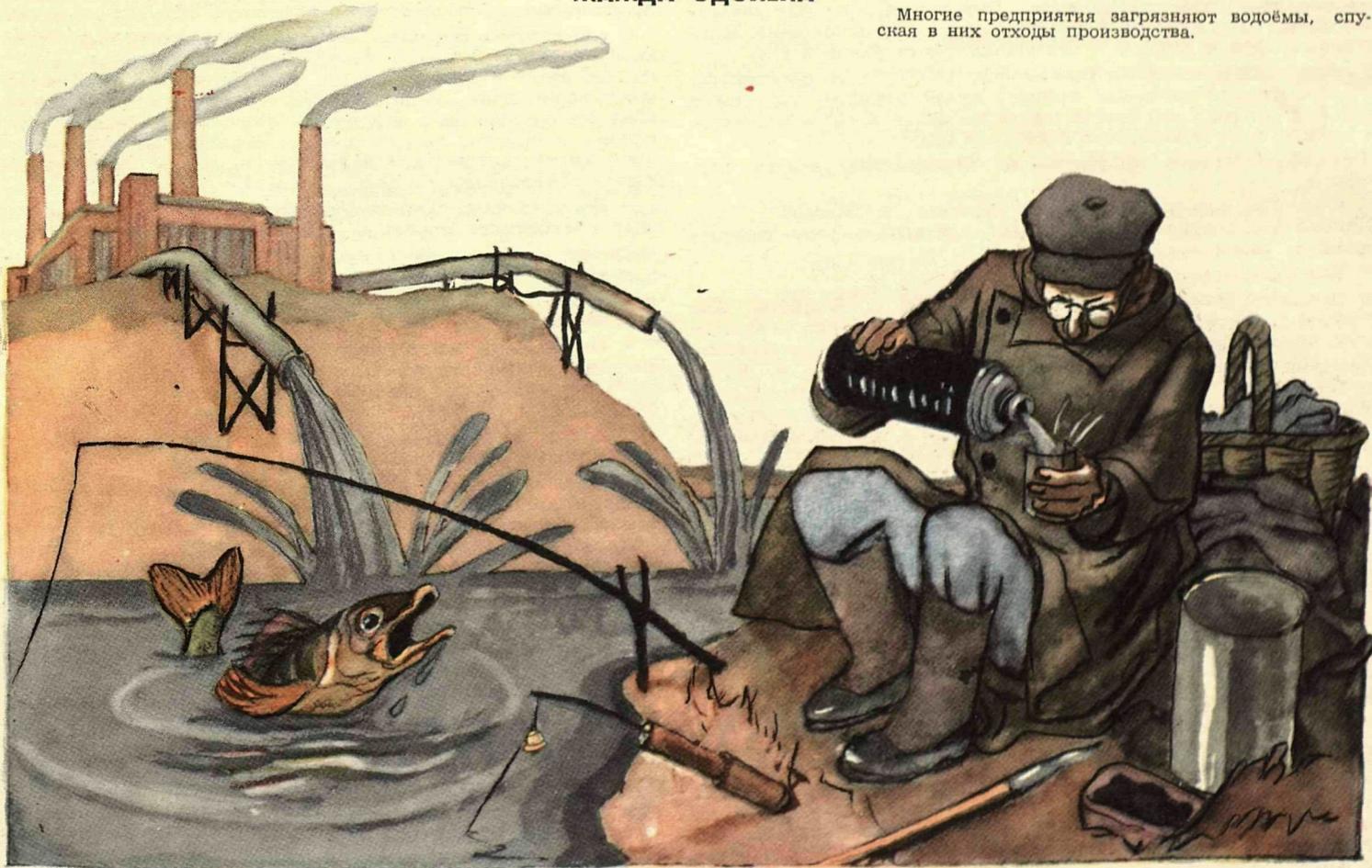
Запрос... опрос... ответ... совет... документация... калькуляция... аннотация... заседание... обоснование... согласование... Не многовато ли? Не пора ли пустить мишку на платье?

Б. ИСАКОВА

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

ЖАЖДА ОДОЛЕЛА

Многие предприятия загрязняют водоёмы, спуская в них отходы производства.

— Дяденька, дай глотнуть водички!

НАКАЧКА

Максим Кондратьевич Боровков, областной работник, возвращался в город из поездки по колхозам, куда он был направлен, как говорится, «вправлять мозги» и «делать накачку».

Ехал Максим Кондратьевич не на своей «Победе», и шофёр ещё при выезде из города ему не понравился. Неразговорчивый, даже угрюмый, лицо какое-то странное — скуластое, с пышными «чапаевскими» усами, на крупном хрящеватом носу очки в великоколенной черепаховой оправе, а на голове старая фуражка с побуревшим танкистским околышем. От такого не дождёшься солёного шофёрского анекдота, который так скрашивает дорожную скуку! Машину, впрочем, этот сумрачный человек (фамилия его была Пологаев) вёл отлично.

Поездкой Боровков был вполне доволен. За день — штука сказать! — побывал в шести колхозах; в одном хорошо позавтракал, в другом неплохо пообедал, водочки выпил в меру, а главное, «вправлять мозги» никому не пришлось: цифры хлебопоставок были вполне удовлетворительными. Они приятно украсят доклад, который завтра утром он, Боровков, представит начальству. Ведь хорошая цифра в докладе — всё равно, что стерлядь в ухе.

Удобно развалившись на заднем сиденье, Боровков с наслаждением представлял себе, как приедет домой, умоется, переоденет бельё, выпьет горячего чаю и завалится спать в чистую постель. Уж кто-кто, а он-то заслужил покой и отдых!

Внезапно Пологаев затормозил и, обернувшись, сказал смущённо:

— Беда! Бензина не хватает! Не рассчитал маленько...

Максим Кондратьевич хотел было сделать шофёру соответствующую «накачку», но сдержался.

— Что предлагаете?

— Придётся свернуть на просёлок. Заедем в Пешкино, там раньше был колхоз «Первенец Октября», а теперь, после объединения, вторая бригада «Маяка революции». У них и заправимся.

Не прошло и двадцати минут, как «Победа» въехала на широкую безлюдную улицу Пешкина. Было уже совсем темно. Посвежавший к ночи ветерок донёс до ноздрей Максима Кондратьевича дразнящий запах свежеспечённого хлеба и парного молока. В окнах изб гостеприимно светились огоньки.

Пологаев остановил машину и пошёл искать знакомого кладовщика. Оказалось, все колхозники на собрании.

Подъехали к избе-читальне. Пологаев опять ушёл и вернулся с бригадиром. Это был худощавый, длиннорукий парень лет двадцати семи, с большим толстым носом и маленькими умными глазами. Он назвал себя: «Максим Носков» — и пригласил «товарища из области» побеседовать с колхозниками, пока шофёр будет управляться со своим делом.

— Ну что ж, охотно! — бодро отозвался Максим Кондратьевич. — Кстати, и я тоже Максим. Тёзка тёзку всегда выручит. Пошли!

О чём он будет беседовать с пешкинскими колхозниками, Максим Кондратьевич ещё не знал, но это обстоятельство его ничуть не смущало. Боровков принадлежал к тому довольно распространённому у нас типу людей, которых называют водопроводными ораторами. Такому оратору трудно только начать, но стоит лишь открыть кран — и потечёт, журча, словесная водичка, не горячая, но и не холодная, а так... комнатной температуры. Всё правильно, но почему-то у слушателей веки наливаются свинцом, лица деревенеют и тупеют, и в глазах появляется выражение пыточной тоски.

Зал читальни был битком набит народом. В рядах зашущукались:

— Кто такой? Вроде не из райкома!

— Похоже, из области. Наши районные поподжаристей!

Бригадир провёл гостя к столу президиума и сообщил собранию, что «товарищ из области» мимоездом заскочил в Пешкино, но желает побеседовать с народом.

— Так что давайте послушаем. Отдельная просьба к женщинам с грудными, — закончил он, — будьте сознательны, товарищи матери: как заревёт — выносите на воздух. Условились? Условились! — ответил он сам себе и сел.

Пока бригадир представлял его пешкинцам, Максим Кондратьевич успел обдумать тему своего выступления. Он встал, проникновенно поглядел на свежепобелённый потолок, потом на лица пешкинецов, смотревших на заезжего гостя с откровенным, простодушным любопытством, кашлянул и... открыл кран.

О чём говорил Боровков пешкинским колхозникам, какие мысли проповедовал? Мысль, собственно, была одна: для того, чтобы колхоз имел хорошие урожаи, надо изучать агротехнический опыт передовиков. Оспаривать эту известную всем истину никому не пришло бы в голову. Но Боровков доказывал! Он даже спорил с другим, воображаемым Боровковым, усомнившимся, повидимому, в том, что «дважды два — четыре, выдвигал доводы «за» и контрдоводы «против».

— Надо изучать опыт передовых колхозов! — убеждал пешкинских колхозников Боровков. — Надо изучать, товарищи!

Сделав многозначительную паузу, он повторил:

— Нужно раз и навсегда запомнить, что изучать опыт передовых колхозов просто необходимо. Не-об-хо-ди-мо, товарищи!.. Снова пауза, ещё более многозначительная. И опять:

— Мы обязаны знать наших передовиков. Обязаны, товарищи! Не следует забывать, что если мы будем их забывать, то изучить опыт передовых как следует мы не сможем. Не сможем, товарищи!..

...Первым не выдержал старик-колхозник, сидевший на передней лавке.

Сначала он слушал Боровкова внимательно, лова каждое его слово; потом стал исподтишка зевать, деликатно прикрывая рот тёмной, сморщенной ладонью; потом несколько раз зевнул уже открыто, громко, с жалобным причмокиванием; потом его голубые выпуклые глазки потускнели и покрылись белесой дымкой, как у только что зарезанного петуха. Бедный дед уронил на пол свою кляушку, опустил голову на грудь и тонко засвистел носом. Его растолкали. Он выпрямился, поёрзал на лавке, громко сказал: «Извиняйте, прошттрафился» — и снова устремил на Боровкова напряжённый, кроткий, мученический взгляд.

Вскоре в заднем ряду дурным голосом закричал ребёнок. Мать заторопилась с ним к выходу, и кто-то не без ехидства произнёс на весь читальный зал:

— Иди, Дарья, правильно! Разве может дитё выдержать!..

Боровков понял, что ему пора «закрывать кран». Он сделал грациозный словесный пируэт, ещё раз напомнил пешкинским колхозникам, что они должны не забывать про «необходимость изучения», и сел.

Бригадир-председатель предложил задавать вопросы.

Сейчас же поднялся здоровенный парень в клетчатой рубашке,

с копной золотистых волос на давно не стриженной голове.
— Кто это? — шёпотом спросил Максим Кондратьевич у бригадира.

— Ерёмкин, тракторист, комсомолец, — тоже шёпотом ответил бригадир и громко произнёс: — Давай вопрос, Ерёмкин!

— У меня вопрос такой, — сказал Ерёмкин, — в Зауралье, я слышал, есть колхозник Мальцев, лауреат Сталинской премии. У него выработана своя агротехника, проверена на полях. Не можете ли вы, товарищ Боровков, рассказать, в чём там у Мальцева собака зарыта. Разъясните по силе возможности...

Максим Кондратьевич о зауральском Мальцеве мельком слышал, что-то когда-то читал, однако толком ничего не знал. Но нельзя же так прямо и выложить: не знаю, извините! Авторитет областного работника не позволяет!

Нахмурился лоб, Боровков сказал:

— Вопрос товарища Ерёмкина лишний раз убеждает меня в том, как необходимо изучать наш опыт передовиков, товарищи! Ведь о работах Мальцева писали. Значит, надо читать, товарищи! Нужно раз и навсегда запомнить, что без чтения сельскохозяйственной литературы мы не сможем изучать опыт передовых. Не сможем, товарищи!

Кран был снова открыт...

— Есть ещё вопросы? — устало спросил бригадир-председатель, когда Максим Кондратьевич кончил отвечать Ерёмкину.

— Есть вопрос! — раздался в заднем ряду звонкий женский голос. — Почему в «Волне революции» у Баранникова урожай вдвое выше наших? Земли-то одинаковые — что у них, что у нас! Пусть товарищ из области объяснит!

Глаза у «товарища из области» спокойно забегали, лицо перерезала глубокая морщина. Баранников — видный передовик в области, о нём даже секретарь обкома говорил на пленуме. Но что он там делает у себя, в «Волне революции»?!

Максим Кондратьевич медленно, чтобы выиграть время, поднялся. Вся надежда была на то, что кран будет действовать автоматически. Но, увы, кран открылся, а вода не полилась. Из рта Боровкова вылетали неопределённые звуки, напоминавшие именно то странное бормотанье, какое издаёт водопроводный кран, когда в трубах нет воды. По рядам прошёл смехок.

И в этот страшный миг Максим Кондратьевич увидел своего шофёра. Тот стоял в дверях и делал какие-то знаки. Чувство благодарности к деликатному, находчивому Пологаеву тёплой волной залило грудь Максима Кондратьевича. Выход был найден!

— Я бы, товарищи, с удовольствием ответил на вопрос гражданки, — сказал Боровков уже с обычной своей грацией, — но вон шофёр не разрешает. Время позднее, надо ехать, товарищи! Вопрос о Баранникове большой, ответить на него надо подробно, не наспех... Так что... в следующий раз, товарищи!..

Максим Кондратьевич хотел было пожать на прощанье руку бригадиру-председателю и уже протянул ему свою пухлую ладошку, как вдруг произошло необъяснимое: Пологаев попросил слова! Оторопев, Боровков опустился на стул.

Выйдя к столу, Пологаев снял фуражку, расправил усы и сказал:

— Дорога тут мне хорошо знакома, пусть товарищ уполномоченный не беспокоится, довезу быстро. А на вопрос гражданки надо ответить...

И, вытащив из кармана тужурки пухлый блокнот, шофёр стал рассказывать пешкицам про славные дела Баранникова из «Волны революции». Говорил он просто, легко, со знанием дела, что называется по существу.

Зал одобрительно гудел. Вопросы посыпались горохом. Пологаев отвечал. Даже дед с клюшкой приободрился и попросил рассказать про «баранниковский сад»: говорят, там «белый налив» не яблоко — арбуз!.. Пологаев, заглянув в блокнот, рассказал и про сад.

Максим Кондратьевич, синий от злости, толкнул коленкой под столом бригадира-председателя. Тот встал и сказал, что время действительно позднее, так что, к сожалению, пора кончать. Комсомолец Ерёмкин с места дерзко выкрикнул:

— Предлагаю объявить благодарность товарищу областному руководителю... (тут Ерёмкин сделал паузу) автомашины за интересное сообщение!

Грохнули аплодисменты.

...По просёлку Максим Кондратьевич и Пологаев ехали молча, и лишь когда машина выскочила на шоссе, Боровков, сердито сопя, сказал:

— Послушайте, где это вы так... насобачились?

— Много приходится возить разных товарищей уполномоченных по колхозам, — не оборачиваясь, ответил шофёр, — а я имею интерес к сельскому хозяйству. И с народом люблю поговорить. Так вот и набрался...

...На следующий день Максим Кондратьевич принёс в учреждение, посылавшее его в поездку по колхозам, свой аккуратно перепечатанный доклад.

Сотрудник взял пухлую рукопись и вежливо осведомился:

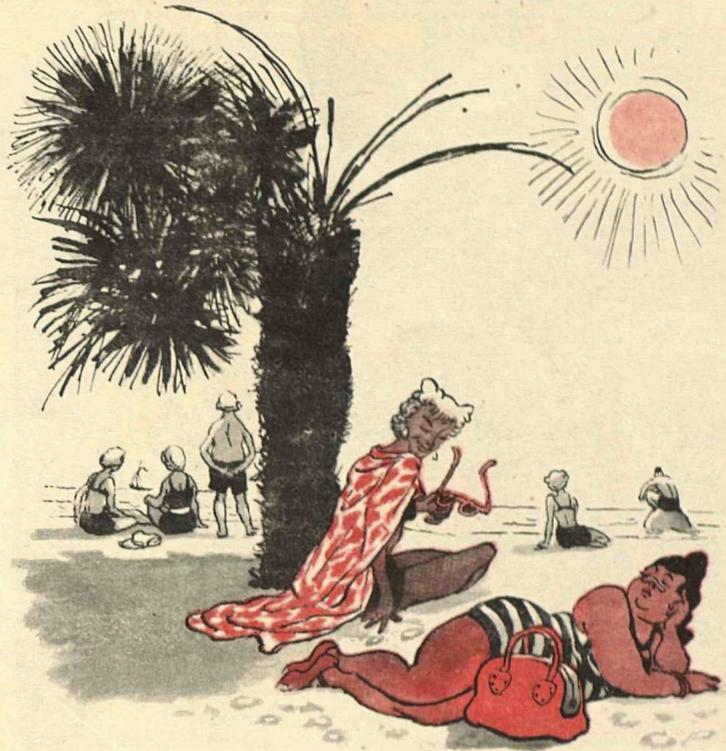
— Как съездили, Максим Кондратьевич?

— Ничего, в общем!

— Пришлось мозги вправлять?

— Пришлось, — вздохнув, сказал Максим Кондратьевич, — была накачка! Крепенько досталось... кое-кому!.. Ох, крепенько!..

Сергей МИХАЛКОВ

ЖЕРТВЫ моды

На черноморском пляже

Две дамы встретились в невыразимом раже:

— Счастливая! Какой загар! О боже!

А я вся в пузырях и лезу вон из кожи!

Сегодня три часа на пляже провела,

А почернеть ни капли не смогла!

— Мне так же, как и вам, не повезло сначала, —

Вторая с превосходством отвечала. —

Но я теперь весь день на пляже провожу:

Лежу, сижу, хожу.

От солнца, кажется, уже с ума схожу,

В глазах круги. Но тени избегаю!

И вот вам результаты, дорогая:

Лишилась аппетита, сна,

Зато черна!..

В палящий зной на пляже расставаясь,

Подруги наши были не одни:

От солнечных лучей разумно укрываясь,

Осёл — на что осёл! — и тот стоял в тени!

Ну как не уважать ослиную породу

За трезвый, здравый взгляд на солнце и на моду!

Рисунки И. СЕМЕНОВА.

Багаж, отправленный из г. Коврова, более двух месяцев не мог дойти до г. Фрунзе из-за нераспорядительности железнодорожной администрации.

Из письма читателя А. П. Родионова.

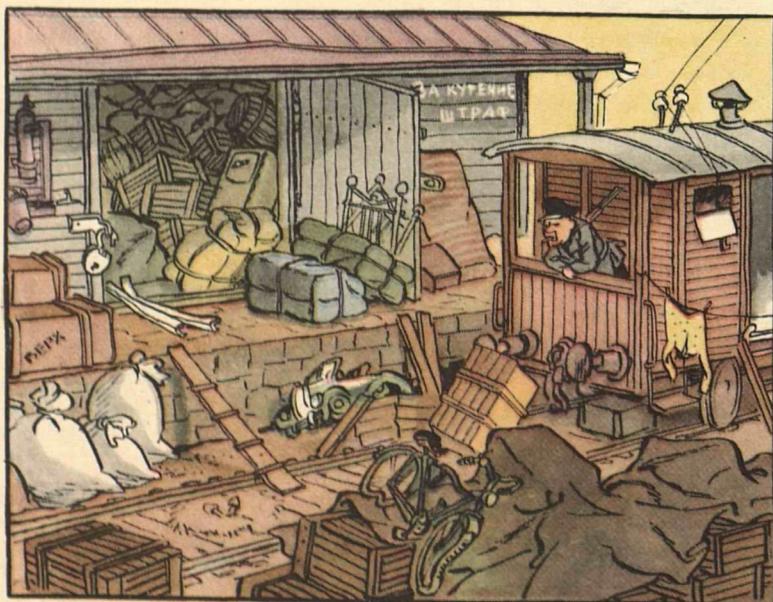
Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

Пассажиры беспокоились о багаже,

железнодорожники, наоборот, не беспокоились,

и поэтому багаж спокойно лежал без движения.

ВИЛЫ В БОК

СТИХИ В ПЕРЕПЛЕТЕ

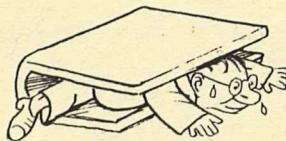
Крымиздат недавно выпустил сборник стихов В. Субботина. Цена 60 коп. Переплёт 1 руб. Всего 1 руб. 60 коп.

В издательстве решили:

нет расчёта
ценить стихи дорожке переплёта.
Нам кажется, что есть прямой

расчёт
Взять Крымиздат в хороший
переплёт!

Ник. СОКОЛОВ

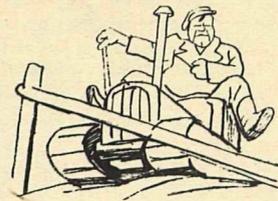
ЛЕСНАЯ БАТАЛИЯ

Кто бы мог подумать, что под скромным пиджаком директора Юринского леспромхоза треста «Марилес» С. А. Крайнева бьётся сердце полковника! Свои незаурядные стратегические способности ему удалось проявить во время похода против лесоучастка Саратовского гортопа, у которого он пожелал отвоевать сплавную пристань и ведущую к ней лесовозную дорогу.

Начало наступательной кампании ознаменовалось для воинственного директора крупным успехом: лихим налётом механизированных частей (тракторов) он основательно перепахал вышеназванную дорогу. По замыслу леспромхозовского вояки, удар этот должен был лишить противника возможности манёвра, а заодно и сорвать ему план вывозки леса.

Но вкушившему было сладость победы Крайневу пришлось изведать и горечь поражения. Оправившись от удара, гортоповцы ринулись в контратаку и восстановили дорогу. Тогда Крайнев переродил её шлагбаумом и трактором.

Так закончился первый этап кампании. Работники лесоучастка с трепетом ждут второго. Что же касается до руководителей треста «Марилес», то они с нескрываемым интересом продолжают следить за подвигами своего доморощенного полковника.

СЕМЬСОТ И ОДИН

Торжественное открытие Дворца культуры в горняцком посёлке Стрелица, Семилукского района, Воронежской области, было назначено на восемь часов вечера.

На праздник собралось более семисот человек, из Воронежа прибыли артисты. Но вот пробило восемь часов, потом девять...

— Ждём секретаря райкома КПСС товарища Меньшова, — объясняли организаторы торжества волнующейся публике. — Он обещал обязательно быть.

Телефонные звонки следовали непрерывно.

— Собрались, говорите? — спрашивал тов. Меньшов. — Ну, ладно. Скоро приеду.

Прошёл ещё час. Гости начали уже расходиться. Но тут к подъезду Дворца культуры подкатила «Победа». Из неё вылез в сопровождении домочадцев долгожданный Меньшов. Лицо его выражало спокойствие и безмятежность. Он снисходительно улыбался.

Кто угадает, чему улыбался секретарь Семилукского райкома тов. Меньшов? А вот чему: своим личным примером он наглядно доказал несостоятельность старой поговорки, будто семеро одного не ждут.

Как ни странно, НО...

...самый маленький дом в Курске состоит всего лишь из половины комнаты. Это областной Дом санитарной культуры. В другую половину комнаты исполком горсовета вселил областную медицинскую библиотеку, имеющую 40 тысяч книг и тысячи читателей.

Библиотека, а также и Дом санитарной культуры фактически перестали работать, но горсовет это мало волнует. По его подсчётам, сюда можно вселить ещё несколько учреждений. Тем более, тогда и фасад дома не нужно ремонтировать: его полностью закроют вывески.

...трест «Мосгазстрой» работает по особой системе: сделает проводку, установит аппаратуру, а газ включить забудет! Жильцы дома № 7 по 2-й Черногрязской улице в Москве уже два года любуются поставленными у них в кухнях плитами и... ждут подключения газа.

А газа нет! Руководители треста действуют по принципу: «И помажут и покажут, а покушать не дадут!»

ПИСЬМО ИЗ РЕДАКЦИИ

Город Воронеж,
заместителю начальника областного
управления сельского хозяйства и заготовок
тов. М. П. Калганову

Уважаемый Михаил Петрович!

Не правда ли, удивительно быстро летит время?.. Вот уже год прошёл, как на моих страницах был напечатан взволновавший Вас фельетон под заглавием «Не вей, ветерок». Вы тогда очень оперативно откликнулись на этот фельетон. В своём письме в редакцию Вы с прискорбием подтвердили: да, действительно, подготовка механизаторов, специалистов некоторых новых профессий для колхозов идёт в Воронежской области неважно.

Но далее письмо Ваше дышало энергией и оптимизмом. Из него явствовало, что Вы, засучив рукава, уже принялись за дело. Теперь подготовка механизаторов будет поднята на должную высоту.

И что же? Увы, уважаемый Михаил Петрович! Год прошёл, а никакой высоты не видно. Вместо высоты, извините, плешь в годовом плане и такие чудосочные цифры, что просто совестно (за Ваше учреждение) называть их. Оказывается, план подготовки машинистов ветродвигателей и машинистов механизированных токов выполнен всего лишь наполовину. И вот беспечности достойные плоды: в районе Синдякинской МТС, в какой колхоз ни взгляни, ветродвигатели стоят, не шелохнутся. Нет машинистов! В колхозах имени Андреева и «Победа», что ни день, авария с ветряками. Нет машинистов!

И всюду ждут не дождутся бригадиров монтажных бригад по механизации животноводческих ферм. Да и как их, желанных, дожидаться, если за весь год таких бригадиров подготовлено только двадцать пять вместо семидесяти?

Печально обстоит дело и с кадрами для электромеханической стрижки овец. В области не хватает более пятисот специалистов этого дела. И в то время, как колхозы сетуют на нехватку стригалей, овцы зачастую жалуются на их особую хватку: к примеру, в колхозе имени Жданова, Белогорьевского района, овцы после очередной стрижки ходят в весьма неприличном виде: у одной шерсть на боку выдрана, у другой — спина голая.

Что же касается обучения доярок, которые должны обслуживать электродоильные агрегаты, Вы, Михаил Петрович, сами знаете, что ничего об этом не знаете.

В заключение разрешите дать Вам добрый совет: подготовку кадров для механизации сельского хозяйства никак не следует подменять механизацией отписок на деловую критику.

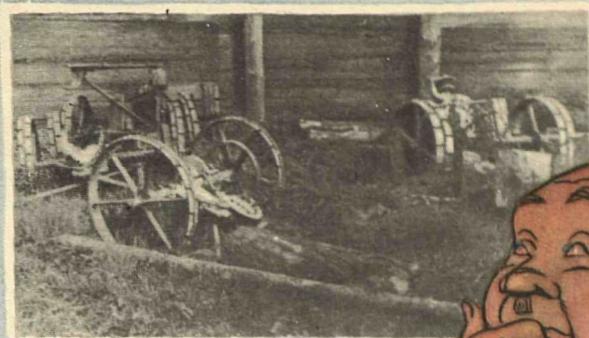
С уважением

Крокодил

Дорогой Крокодил!

Рисунок Бориса ЛЕО.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

— Жаткой можно убрать пять гектаров хлеба в день. Спрашивается: сколько же нужно времени, чтобы убрать жатку из-под открытого неба?

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!
Директор Яранского межрайонного отделения «Сельхозснабжение» тов. Истратов совсем не заботится о хранении сельскохозяйственного инвентаря. Ряд уборочных машин валяется под открытым небом ещё с конца прошлой зимы.

М. КУТЮКОВ
г. Яранск,
Кировская область.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

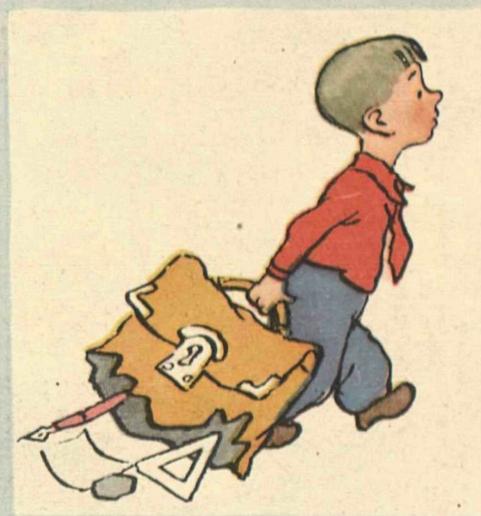
Я купила своему сыну портфель, изготовленный Обушковской артелью. Чтобы открыть или закрыть его, нужно было приложить немало усилий. Кроме того у портфеля отклеилась подкладка, а на поверхности появились трещины. Спустя некоторое время после покупки пользоваться портфелем было невозможно.

П. РЯБОВА

г. Сталинногорск, Московской области.

В первые дни его невозможно было открыть..

...но потом он сам легко открывался.

УВАЖАЕМЫЙ
КРОКОДИЛ!

Несмотря на то, что Брянск окружен дремучими лесами, на складах Гортопа отсутствуют дрова. Директор Гортопа тов. Новинов не принимает мер к снабжению населения топливом.

В. ТЕРЕХОВ
г. Брянск.

«Шумел сурово брянский лес...»

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва. Изд. № 791.

Подписано к печати 12/X 1953 г.

Формат бум. 70 × 108¹/₂.

1 бум. л.— 2,74 печ. л.

А 04145. Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 2707.

Тираж 350 000 экз.

Всесоюз. Книжная Палата
Област. эмпл.
1953 г.

Рисунок Л. СОФЕРТИСА.

СВАТ С УОЛЛ-СТРИТА

— Я выбрал для вас, герр Вермахт, самую подходящую партию!..